Иван Кошкин, Иван Девкин, Иван Царицын

Жил-был царь, у него не было детей. Поехал этот царь лечиться: детей нет. Доктор ему сказал: «Поймайте рыбку и девке отдайте чистить!». Поймал рыбку. Девка чистит, а кошка подбирает, а царица рыбки поела. Прежде кошка родила, потом девка, потом царица; одного прозвали Иван Кошкиным, другого Иван Девкиным, третьего Иван Царицыным. Росли они не по дням, а по часам.

Царь велел их всех трех согнать. Вышли они так-то, как за наши риги, запустили: чья стрела дальше улетит, тот и будет старшим. Сперва нашли Иван Царицынову стрелу, потом Иван Девкинову стрелу, потом Иван Кошкинову. Иван Кошкин и стал брат большой.

Пришли они в лес, такой лес, что из него и не выйдешь. Иван Царицын и говорит: «Братья, давайте остановимся здесь, три ночи ночуем!». Первую ночь Иван Царицын стал караулить. Как стоял, так на палочке и уснул. Иван Кошкин подошел к нему, положил его в беремя. Вот летит змей, конь под змеем спотыкается, сокол стрепехается, собака лает: «Что, говорит, собачье твое мясо, спотыкаешься? Что ты, вороньи твои перья, стрепехаешься? Что ты, пес, лаешься? Со мной на свете нет ни здорника, ни спорника. Есть только один спорник Иван Кошкин, и того я, говорит, в мелкие части расшибу!». Он и говорит: «Врешь, Иуда, поганые твои губы! Давай поле!». Вот змей выкинул ток медной, стали сражаться. Иван Кошкин и убил этого змея.

На другую ночь Ивану Девкину стоять. Этот стоял и уснул. Он взял его в беремя положил. Вот летит змей; конь под змеем спотыкается, сокол стрепехается, собака лает. «Что ты, конь, собачье твое мясо, спотыкаешься? Что ты, сокол, вороньи твои перья, стрепехаешься? Что ты, пес, лаешься? Нет на свете со мной ни здорника, ни спорника. Есть один спорник Иван Кошкин, и того я в мелкие части расшибу!». Иван Кошкин и говорит: «Врешь, Иуда, поганые твои губы! Давай поле!». Змей выкинул ток чугунный. Начали воевать; Иван Кошкин и убил этого змея.

На третью ночь стоять Ивану Кошкину. Он дал своим братьям карты, зажег свечку, налил стакан воды и говорит: «Братья, говорит, не спите! Играйте в карты. Как в стакане кровь будет, вы выпускайте своих коней, соколов,

собак!». Сам пошел стоять. Летит змей, конь под змеем спотыкается, сокол стрепехается, собака лает. «Что ты, конь, собачье твое мясо, спотыкаешься? Что ты, сокол, вороньи твои перья, стрепехаешься? Что ты, пес, лаешься? Нет на свете со мной ни здорника, ни спорника, есть один спорник Иван Кошкин, и того я в мелкие части расшибу!». Иван Кошкин и говорит: «Врешь, Иуда, поганые твои губы! Давай поле!». Змей выкинул ток железный. Долго сражались. А братья его между тем уснули. Проснулись, видят: в стакане кровь. Говорят: «Знать, нашего брата в живых нет!». Выпустили они своих коней, соколов и собак. Конь коня убил, сокол сокола загнал, собачка собачку загрызла. Вдруг и пришел к ним брат. «Я остался жив: победил змея!». Поехали они.

Этот большой брат и говорит: «Братцы, я перчатки забыл». Воротился и поехал он. Приехал сюда, тут три снохи и баба-яга сидят. Он обернулся голубем, подлетел, гуртует. Вот эта баба-яга и говорит снохам: «Недруги были! Пшеничку ярую потравили, детушек моих побили!». Сноха одна сидит. «Ну, говорит, матушка, постой, мы им укажем дружбу!». — «Чем же, дитятко?». — «Они, говорит, ездят, есть захотят. Я зайду наперед, сделаюсь яблоней. Они сорвут яблочко, съедят: их и разорвет!». А другая говорит: «А я, мамаша, зайду наперед, сделаюсь колодцем. Как они напьются, так их и разорвет!». А третья говорит: «А я зайду вперед, сделаюсь кроватью хорошею. Как они лягут, так их и разорвет!». А Иван Кошкин летает голубочком, слушает все.

Приехал он к братьям. Вот они ездили, ездили, есть захотели. Эти братья и говорят: «Братцы! Вон яблоня, давай поедим!». А старший брат говорит: «Братцы! Давай я попробую». Ударил ее саблею, из нее полилась кровь. «Э, говорят, брат, какую ты штуку загубил, не нам счастье есть». Вот они снова ехали, ехали. Видят: колодец хороший такой стоит. «Братцы, давай напьемся!». А старший брат говорит: «Давай я попробую!». Ударил саблей, вода кровью замутилась. «Эх, брат, не наше, верно, счастье яблочки есть и воду пить». Вот они снова ехали, ехали; стоит кровать хорошая такая. Они и говорят: «Давай-ко на эту кровать ляжем!».— «Дайте, братцы, я попробую!». Саблей ударил по занавесу, кровь потекла. «Эх, говорят, брат, каких ты три штуки загубил!». Поехали они.

Иван Кошкин и говорит: «Братья! Не жалейте коней, соколов и собачек!». Нагоняет их баба-яга на железной ступе, медным толкачом погоняет. Нагнала она и проглотила Ивана Царицына. Вот и Ивана Девкина проглотила. А Иван Кошкин в кузницу въехал, кузнец кузницу запер. Баба-

яга и говорит: «Кузнец, отопри кузницу!». Он ей говорит: «Пролижи с трех раз дверь!». Вот она раз лизнула — яма, другой лизнула — светится, в третий раз совсем пролизала. Кузнец ей говорит: «Протяни язык! Я тебе его на язык посажу!». Она протянула. Он ее молотком. «Вот тебе виноватой! Отдай правого!». Вот она Ивана Девкина, Ивана Царицына вырыгнула. Они все собрались, пообедали тут, на все четыре стороны разъехались.

(Село Мишино Зарайского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.